

Научная статья

УДК 94(262.81+479+477.7)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_52

Страны Прикаспия как субъекты международных отношений на евразийском пространстве: историческая эволюция и современное состояние

М. М. Гаджиев

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия,
gadjiiev.dgu@mail.ru*

Аннотация. В работе анализируются процессы геополитической трансформации Каспийского региона в постсоветские десятилетия. Автор выделяет основные факты и тенденции, позволяющие говорить о Каспийском регионе как о новой важной военно-транспортной и геополитической территории. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, принятая 12 августа 2018 года, стала тем документом, в котором заложены идеи коллективной безопасности, суверенитета каждой из прибрежных стран.

Ключевые слова: Каспийский регион, ресурсы, геополитика, сферы влияния, Конвенция, правовой статус

Для цитирования: Гаджиев М.М. Страны Прикаспия как субъекты международных отношений на евразийском пространстве: историческая эволюция и современное состояние // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 52–56. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_52

Original article

The Caspian Countries as Subjects of International Relations in the Eurasian Space: Historical Evolution and Current State

Magomedehmin M. Gadzhiev

*Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia,
gadjiiev.dgu@mail.ru*

Abstract. The work analyzes the processes of geopolitical transformation of the Caspian region in the post-Soviet decades. The author highlights the main facts and trends that make it possible to speak of the Caspian region as a new important military-transport and geopolitical territory. The Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, adopted on August 12, 2018, has become the document that contains the ideas of collective security and sovereignty of each of the coastal countries.

Keywords: Caspian region, resources, geopolitics, spheres of influence, Convention, legal status

For citation: Gadzhiev, M.M. (2023). The Caspian countries as subjects of international relations in the Eurasian space: historical evolution and current state. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 52–56. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_52

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР регион Каспийского моря занял особое место в системе современных международных отношений. Природные богатства Каспийского региона являются главным достоинством прибрежных государств, поскольку обеспечивают энергетическую независимость и являются главным источником доходов. Актуальность исследуемой темы определяется тем, что после распада СССР Каспийский регион стал одним из центров евразийской энергетической геополитики, на которой были сфокусированы интересы международных энергетических компаний, инвесторов и лоббистов. Нефтегазовые ресурсы в сочетании со вновь открывшимися торгово-транспортными коридорами стали основной причиной небывалого прежде интереса к региону Прикаспия. Совершенно прав российский политолог К. С. Гаджиев, который говорил, что в уже в ранние постсоветские годы прикаспийские государства, которых раньше принято было относить к евразийской периферии, чуть ли не в один момент превратились в игроков международного нефтегазового и ресурсного рынка, а физические данные и политико-географические характеристики Каспийского региона указывают на его исключительный характер [Гаджиев, 2001]. Постсоветские десятилетия показали, что прикаспийские страны, преодолевая свою периферийность, начали превращаться во влиятельных игроков региональной политики. Многие бывшие республики Советского Союза проводят мультивекторный курс по сохранению отношений как с Россией, так с коллективным Западом и с Китаем. В этом многообразии они пытаются достичь некое дипломатическое равновесие, необходимое для обеспечения их собственной экономической самостоятельности и суверенитета. Данный факт был публично признан в таком важном региональном документе, как «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» от 12 августа 2018 г. В «Конвенции» оказались зафиксирована ключевая тенденция геополитического и геоэкономического развития Прикаспийского ареала – ставка на региональную интеграцию прибрежных государств. Более того, данную «Конвенцию» целесообразно рассматривать в качестве триггера региональных и трансграничных процессов в сфере межгосударственного взаимодействия. Эти процессы связаны, в том числе, с формированием общей транспортно-коммуникационной системы стран Прикаспия¹.

¹ Выступление В. Путина на Пятом каспийском саммите. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/58296>

Осмысление эволюции каспийской политики порождает следующие вопросы: каков характер политических и экономических стимулов глобальных и региональных игроков, вовлеченных в политику региона? Насколько эти стимулы работают на строительство интеграционной модели международно-политического взаимодействия в каспийском ареале?

МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращаясь к теории «наступательного реализма» (offensive realism) американского политолога Джона Миршаймера, изложенные в его книге «Трагедия политики великих держав» [Mearsheimer, 2001], автор статьи поэтапно ответит на поставленные выше вопросы.

На путях к их решению, прежде всего, заслуживают внимания интеграционные процессы в регионе Каспийского моря. Наступательный реализм лучше всего описывает сложные реалии постсоветской каспийской трансформации, поскольку он не принимает однополярность как определяющий принцип международных отношений, а рассматривает события в одном отдельном регионе как компоненты международной системы в целом. Наступательные реалисты изображают международную систему в качестве свободного рынка, на котором главными товарами являются безопасность и влияние. Подобно корпорациям, стремящимся увеличить свою прибыль, национальные государства руководствуются конкурентным императивом, который порождает то, что американский публицист и политолог Фарид Закария назвал «поведением, максимизирующим политическое влияние» [Zakaria, 1995, с. 18].

Другим теоретическим принципом, которым мы руководствуемся в данной статье, послужил концепт «мезо-региона», предложенный российским политологом, профессором РГУ А. К. Магомедовым. Данный концепт позволяет рассматривать Каспийский ареал не в качестве замкнутой локальной системы, а в качестве новой геополитической и геоэкономической единицы XXI столетия с многообещающим ресурсно-коммуникационным и инфраструктурным потенциалом [Магомедов, 2018].

Эмпирическая база исследования представлена политическими, информационными и медийными документами, отражающими особенности интеграционных процессов и межгосударственного сотрудничества прикаспийских государств в последнее десятилетие.

АНАЛИЗ

Несмотря на то, что Каспийский регион опростетливо называли энергетической кладовой XXI века, было бы несправедливо рассматривать Каспий лишь как источник нефтегазовых ресурсов. Притягательность и вместе с тем проблема Каспия заключается не только в наличии перспективных углеводородных месторождений, но и в возможности контролировать их транспортировку за пределы региона. Именно эта возможность, данная правительству Каспия, и сделала означенный регион частью так называемой новой Большой игры в первое постсоветское десятилетие. В немалой степени политико-экономические факторы позволяют говорить о постсоветском Каспийском ареале как о новом «мезорегионе», имеющем самостоятельное ресурсное и коммуникационное значение.

Внутреннюю логику развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа невозможно понять без учета проблем, связанных со статусом Каспийского моря [Маркелов, Головин, Усманов, 2018]. С некоторыми оговорками можно признать, что исторической отправной точкой нынешней «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» является Гюлистанское соглашение между Российской империей и Персией, одобренное и подписанное в 1813 году.

У нас нет возможности подробно останавливаться на этом событии, однако, если говорить коротко, то речь в нем шла о регламенте перемещения российских и персидских купцов и их товаров. Помимо торговых позиций Договор содержал особую презумпцию, согласно которой только Российская империя может иметь военный флот на Каспии. Данный водоем рассматривался как внутреннее море России, в котором Персия имеет право на осуществление торгового судоходства [Габиева, 2004]. Приведенные положения Гюлистанского договора в современном контексте представляют собой одну из первых попыток заложить основу коллективного договора на Каспии с упором на принцип политического реализма и раздела сфер влияния между двумя странами.

Данная ситуация оставалась неизменной вплоть до 1917 года. Однако большевики, пытаясь придать своей внешней политике новый вектор, отказались от статуса единственной державы в регионе, имеющей военный флот на Каспии. Стремление Советской власти вывести на новый уровень отношения в регионе обозначилось 26 февраля 1921 года, когда было официально объявлено о том, что персидский народ больше не связан никакими бывшими царскими договоренностями. Попутно большевики делали акцент на недопущении на свои территории лиц,

организаций и стран, которые настроены враждебно или к Персии, или к Советской России. Большевицкое правительство получало возможность введения своих войск на территории Персии в случае возникновения угрозы для себя со стороны персидской территории. Кроме того, морские флотилии России и Персии могли свободно перемещаться в пределах Каспийского водоема.

Данный Договор и последующие соглашения между СССР и Ираном в 1935 и 1940 годы заложили принципиально новую модель российско-персидских отношений. Она была основана на восприятии Каспийского региона как внутреннего моря РФ и Ирана [Договор между СССР и Ираном, 1959; Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном, 1955, с. 56–71]. Такое развитие советско-иранских отношений основано на практиках двустороннего наступательного реализма и равноправного сотрудничества.

В 1935 году советская Россия в одностороннем порядке установила морскую границу, разделив Каспийский водоем по линии от населенных пунктов Астарачай (Азербайджанская ССР) – Гасан-кулу (Туркменская АССР) [Габиева, 2004].

Двусторонние договоры 1921, 1935, 1940 годов между Ираном и СССР фиксировали статус Каспия как закрытого водоема со всеми вытекающими отсюда ограничениями для третьих лиц (внерегиональных акторов). Его ресурсы являются достоянием всех государств, имеющих выход к морю.

Отметим, что отсутствием в договорах четкого разграничения Каспийского моря созывало массу проблем во взаимодействии Ирана и СССР [Габиева, 2004]. Проблемы не прекратились и после распада в 1991 году Советского Союза. В постсоветский период региональных участников международных процессов на Каспии стало гораздо больше.

Увеличение количества не только региональных, но и внерегиональных игроков придало этой территории особый геостратегический статус, основанный как на геостратегической значимости Каспия, так и его ресурсном потенциале [Маркелов, 2011]. Поддержание особого статуса Каспия и недопущение в Каспийское море нерегionalных игроков, которые потенциально могли бы дестабилизировать ситуацию на Каспии, требовало блокировки положения международного морского права на Каспийское море.

Отталкиваясь от представления о том, что Каспийское море есть внутриконтинентальный водоем, 12 августа 2018 года лидеры Прикаспийских стран поставили подписи под Конвенцией о правовом статусе Каспия как замкнутого морского ареала [Маркелов, Головин, Усманов, 2018]. Хотя в данном документе есть некоторое противоречие,

так как Каспий рассматривается и в качестве моря, и в качестве внутриконтинентального водоема.

Так как все Прикаспийские страны делят поверхность моря на пять зон (воды 1: внутреннее, 2: территориальные, 3: общего пользования; зоны 4: границы и 5: рыбной ловли), логично было бы рассматривать правовой статус Каспия на двух уровнях: использование ресурсов в рамках территорий 1 и 2 и использование ресурсов в рамках территорий 3 и 5.

Анализ Конвенции от 12 августа 2018 года позволяет говорить о том, что в ней заложены идеи коллективной безопасности, суверенитета каждой из стран, имеющей выход к морю. Кроме того, подчеркивается приверженность Каспия к свободному проходу через территориальные воды Прикаспийских стран, к идее использования толщи воды для создания информационно-коммуникативных и иных коридоров, к необходимости поддержания и сохранения экологического баланса [Kosov, Markelov, Magomedov, 2021].

Однако на сегодняшний день сохраняется целый ряд неурегулированных вопросов, которые могут обсуждаться в дальнейшем. Так, например, остаются нерешенными проблемы, связанные со свободным мореплаванием, транзитными коридорами, в том числе и выходом в акватории других стран (например, с использованием мощностей Волго-Донского канала). Транзитные коридоры «Север–Юг» и «Запад–Восток» Россия предлагает проложить через свою территорию. Данные транспортные артерии, проходя через российскую территорию затрагивают фактор как внутренней безопасности вообще, так и безопасности судоходства по рекам.

Вышеуказанная Конвенция имеет немалое значение, поскольку документ обязателен для исполнения. На наш взгляд, эта Конвенция в перспективе может быть положена в основу своеобразного документа (Каспийская морская Конституция), который поспособствует решению накопившихся

проблем и уменьшит их конфликтный потенциал. Именно на базе этой Конституции может быть сформирована особая модель регионального диалога (как ареала с разными цивилизационными основаниями) с идеей «зонтичной» безопасности, которую обеспечивает Россия, при сохранении странами Большого Каспия своей геополитической самодостаточности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте описываемых процессов российская портово-хозяйственная инфраструктура получает новые импульсы для развития. В частности, она может увеличить свою конкурентоспособность с учетом развития евразийского логистического потенциала, многократно повысить объемы обслуживаемых и перевозимых грузов и закономерным образом стать центром интеграционных процессов в регионе.

На наш взгляд, интеграционная значимость Каспийского региона на евразийской политической сцене в обозримой перспективе должна быть связана с увеличением экономического потенциала государств, входящих в данный ареал; созданием и оптимизацией транспортно-логистической системы и встраивании ее в международные проекты (такие как, например, китайская инфраструктурная мегаидея «Один пояс, один путь»). Такая перспектива вырастает из факта превращения прикаспийских государств в реальных субъектов евразийской политики, согласно теории наступательного реализма.

Вышеперечисленные процессы также позволяют актуализировать конструктивный потенциал концепта «мезорегион». Он дает возможность рассматривать Каспийский ареал не в качестве замкнутой локальной системы, а в качестве новой геополитической и геоэкономической единицы XXI столетия с многообещающим ресурсно-коммуникационным и инфраструктурным потенциалом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджиев, К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001.
2. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, Inc. 2001.
3. Zakaria F. Realism and Domestic Politics: A Review Essay // The Perils of Anarchy: Contemporary Realism and international Security / Brown Michael E. et al. (ed.s). Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
4. Магомедов А. К. Каспий на геополитических трассах Северной Евразии: энергополитическое и транспортное измерение на рубеже XX – XXI столетий. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2018.
5. Маркелов К. А., Головин В. Г., Усманов Р. Х. Изменение правового статуса каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона. М.: Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2018.
6. Габиева З. Правовой статус Каспия // Обозреватель. 2004. № 8 (175). URL: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2004-obozrevatel/13447-pravovoj-status-kaspija>.
7. Документы внешней политики СССР в 26 томах. Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 18. 1 января – 31 декабря 1935 г. Договор между СССР и Ираном от 27 августа 1935 г. о поселении, торговле и мореплавании.

8. Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Между 1 января 1937 года и 21 июня 1941 года. М.: Политиздат, 1955. Вып. 10. С. 56–71.
9. Маркелов К. А. Социально-политические вызовы и угрозы в Каспийском геополитическом пространстве начала XXI века // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. №7. С. 88–93
10. Kosov G., Markelov A., Magomedov A. Caspian Basin in the System of Post-Soviet International Relations: Revaluation of Transport and Communication Factors // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy / ed. by E. G. Popkova. Springer, Cham. P. 1129–1132.

REFERENCES

1. Gadzhiev, K. S. (2001). Geopolitika Kavkaza = Geopolitics of the Caucasus. Moscow: International Relations Publisher. (In Russ.)
2. Mearsheimer, J. (2001). The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, Inc.
3. Zakaria, F. (1995). Realism and Domestic Politics: a review essay. In Brown, M. E. et al. (eds.), The Dangers of Anarchy: Modern Realism and International Security. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press.
4. Magomedov, A. K. (2018). Kaspij na geopoliticheskikh trassah Severnoj Evrazii: jenergepoliticheskoe i transportnoe izmerenie na rubezhe 20–21 stoletij = Caspian on Geopolitical Routes of Northern Eurasia: Energy Policy and Transport Dimension at the Turn of the 20th–21st Centuries. Ul'janovsk : Izd-vo UGU. (In Russ.)
5. Markelov, K. A., Golovin, V. G., Usmanov, R. H. (2018). Izmenenie pravogo statusa kaspijskogo morja v uslovijah geopoliticheskoy i jekonomicheskoy integracii regiona = Changing the legal status of the Caspian Sea in the conditions of geopolitical and economic integration of the region. Moscow: Caspian region: politics, economy, culture. (In Russ.)
6. Gabieva, Z. (2004). Pravovoj status Kaspija = The Legal Status of the Caspian Sea. Observer, 8(175). <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2004-obozrevatel/13447-pravovoj-status-kaspija>. (In Russ.)
7. Dokumenty vneshnej politiki SSSR = Documents of the Foreign policy of the USSR (1959): in 26 vols. Ministry of Foreign Policy of Russia. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 18. January 1 – December 31, 1935. Dogovor mezhdu SSSR i Iranom ot 27 avgusta 1935 g. o poselenii, trgovle i moreplavanii = The Agreement between the USSR and Iran of August 27, 1935 on settlement, trade and navigation. (In Russ.)
8. Dogovor o trgovle i moreplavanii mezhdu SSSR i Iranom ot 25 marta 1940 g. = The Agreement on Trade and Navigation between the USSR and Iran dated March 25, 1940 (1955). Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states (issue 10, between January 1, 1937 and June 21, 1941, pp. 56–71). Moscow: Politizdat. (In Russ.)
9. Markelov K. A. (2011). Early XXI century social and political challenges and threats in the Caspian geopolitical space. MIR (Modernization. Innovation. Research), 7, 88–93. (in Russ.)
10. Kosov, G., Markelov, A., Magomedov, A. (2021) The Caspian basin in the system of post-Soviet international relations: reassessment of transport and communication factors. In Popkova, E. G. (ed.), Business 4.0 as a subject of the digital economy (pp. 1129–1132). Springer, Cham.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

доктор политических наук, профессор

главный научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Gadzhiev Magomedemin Magomedrasulovich

Doctor of Political Sciences, Professor

Chief Researcher of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.04.2023
06.06.2023
09.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication